И 484/620

Э5

2007096299

55
Ч 484/620
Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина
12495-68

ОБЗОРЪ

ТРЕХГОДИЧНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОСТОКУ

МАГИСТРА ВИЛЛІАМА ДИТТЕЛЯ (*).

Совершенное мною трехгодичное путешествіе по Востоку раздѣляю я, по странамъ и спеціальной цѣли моего путешествія, на три періода. Первый періодъ заключаетъ въ себѣ посѣщеніе разныхъ провинцій Персіи и филологическое изученіе ея. Періодъ второй посвященъ провинціямъ Турціи, заселеннымъ Арабами (и отчасти Курдами). Третій заключаетъ въ себѣ путешествіе по провинціямъ собственно Турецкимъ, изученіе языка Османскаго, а съ нимъ и нѣсколькихъ діалектовъ Тюркскаго племени.

(*) Нынѣ исправляющаго должность Экстраординарнаго Профессора въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

Въ половинѣ 1842 года (Іюня 16) оставилъ я Казань, отправляясь въ предстоявшее мнѣ путешествіе. Путь, указанный мнѣ составленнымъ отъ Казанскаго Университета планомъ (*), лежалъ чрезъ Астрахань, Дербендъ, Баку, Шемаху и такъ далѣе до Персидской границы. Съ перваго шага моего на Востокъ, начиная отъ Кавказа, я почувствовалъ необходимость измѣненія нѣкоторыхъ указаній плана: въ Азіи и Африкѣ иначе это и не могло быть Путешественникъ особенно на Востокѣ, гдѣ ему отказано во всѣхъ удобствахъ, гдѣ внутреннее устройство страны подвержено безпрестаннымъ невыгодамъ и множеству мѣстныхъ и временныхъ условій, необходимо зависитъ отъ всѣхъ этихъ внутреннихъ обстоятельствъ; основываясь только на нихъ, онъ можетъ приближаться къ своей цѣли и съ предусмотрительностію пользоваться драгоцѣннымъ временемъ.

Изъ Астрахани, которую назову первою встрѣчею моею съ Востокомъ, я предпринялъ путешествіе моремъ въ Тарху (24 Іюля).

Кавказъ, вмѣщающій въ себѣ столько племенъ, языковъ, вѣрованій, сцена множества историческихъ событій, есть золотое руно для Ученаго. Неприступность многихъ частей его замыкаетъ входъ любознательному путешественнику въ сердце нагорныхъ высей, дабы освѣтить ихъ Наукой. Но Филологъ, стоя лицемъ къ лицу съ обитателемъ Кавказа, пришельцемъ, можетъ быть, изъ глубины своихъ дебрей, и тутъ находитъ указанія для своихъ изслѣдованій, не пытаясь итти за ними въ *очаги* Чеченца, Абазинца, Андійца, въ его дикую, неприступную, темную родину. Такимъ образомъ отъ Тарху, близъ котораго лежатъ и замѣчательныя Кубечи, по дорогѣ въ Дербендъ и Кубу, встрѣтилъ я много различныхъ семействъ Горцевъ, съ нарѣчіями которыхъ

(*) Планъ путешествія начертанъ былъ Ординар. Проф. Мирзою Казем-Бекомъ, по порученію бывшаго Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника Мусина-Пушкина, одобренъ Императорскою Академіею Наукъ и утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

могъ познакомиться, хотя мимоходомъ, но съ достаточными указаніями на происхожденіе ихъ языка, съ пользою для изученія племенъ Тюркскаго поколѣнія. Филологія нѣкоторыхъ племенъ Кавказа подвергнута была мною спеціальному изученію, доступному для путешественника-Оріенталиста.

Тарху называю я Сѣверною оконечностію или границею памятниковъ, носящихъ на себѣ клинообразныя надписи (cunéiforme). Недалеко отсюда, какъ извѣстно, есть такая надпись, выражающая имя Арсака.

Въ Дагестанѣ, языкъ тамошнихъ жителей съ его оттѣнками у Кумыковъ, Дербендцевъ и другихъ, обратилъ на себя мое вниманіе, при знакомствѣ съ діалектомъ Нагайцевъ. Дербендъ, желѣзныя ворота Кавказа, увѣковѣченный своею стѣною, занялъ меня также и въ археологическомъ отношеніи, представляя собою много повѣрокъ историческихъ: я работалъ здѣсь на кладбищѣ Кыркларъ (сорокà), заключающемъ въ себѣ, какъ думаютъ, сорокъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь Мусульманамъ, убитымъ, по словамъ преданія, во время похода Сулеймана или Сельмана Бегили противъ Хазаръ во второй половинѣ VII столѣтія, какъ разсказываетъ Дербендъ-Наме.

Я не могу умолчать о томъ, что всѣ ищущіе здѣсь именно сорокъ могилъ, по самому названію этого мѣста или кладбища, весьма ошибаются, не зная, на чемъ основано это прозвище. Подобные памятники, которые утратили свое значеніе въ слѣдствіе недостаточныхъ свѣдѣній нашихъ о Географіи Персіи, встрѣчалъ я въ той странѣ и убѣдился въ неточности этого прозванія и объясненія.

Здѣсь я пріобрѣлъ всѣ надписи любопытнаго собранія историческихъ надгробій, а сверхъ того и нѣкоторыя съ Дербендской стѣны, не проникая за протяженіемъ ея въ глубину Кавказа, по многимъ трудностямъ сообщенія въ горахъ. Почти все протяженіе стѣны, которая породила такую смѣсь лжи и правды, догадокъ и неразумѣній, нашелъ я здѣсь

снятымъ довольно вѣрно, по словамъ туземцевъ. Здѣшніе Мусульманскіе Ученые, подозрѣвая наконецъ миѳологическое происхожденіе и нелѣпыя преданія объ этой стѣнѣ, начинаютъ отвергать и слова Алкорана, приписывающія основаніе ее Александру (Искендеру Зюлькернейну). Извѣстно, что преданіе говоритъ, будто она была сложена изъ желѣза.

Какъ сверхъ занятій моихъ во время путешествія, мнѣ было поручено также и пріобрѣтеніе разныхъ Восточныхъ манускриптовъ, то въ Дербендѣ я воспользовался представившимся мнѣ случаемъ и пріобрѣлъ нѣсколько замѣчательныхъ рукописей на Персидскомъ языкѣ.

Въ Дербендѣ я старался по возможности разрѣшить вопросъ о проходѣ Тсуръ или Суръ или Чшогъ, откуда Гунны Нефталиты разсѣялись по Албаніи, Арменіи, Персіи, и т. д. (*).

Продолжая такимъ образомъ путешествіе по Западному берегу Каспійскаго моря чрезъ Кубу, я остановился въ Баку, замѣчательномъ по своему капищу Индусовъ. Занятія мои здѣсь были обширнѣе. Однимъ изъ любопытныхъ предметовъ, кромѣ посѣщенія Апшеронскаго полуострова съ его неугасаемыми огнями, около которыхъ собирается нѣсколько Индусовъ, — было знакомство съ однимъ изъ Персидскихъ діалектовъ, называемыхъ тамъ Татъ, затѣмъ обозрѣніе архитектурныхъ памятниковъ Мусульманъ, и снятіе съ нихъ надписей. Объ языкѣ этомъ говорили мнѣ, будто въ немъ подозрѣваютъ древне-Персидскій діалектъ, и что имъ говорятъ въ осьми деревняхъ. Мои изслѣдованія доказали, что Татъ — нарѣчіе ново-Персидское, что его называютъ въ Персіи لعجه (нарѣчіе) или неправильно Рагиджъ; оно не имѣетъ той самостоятельности, какую имѣютъ нарѣчія, которыя я изучалъ въ послѣдствіи, а именно: Талышъ, Курди и другія; въ немъ находятъ нѣкоторыя усѣченія, какъ и должно ожидать отъ такого языка, неточность въ произношеніи, какъ вообще у

(*) Изслѣдованія эти были приложены къ Донесенію моему изъ Тавриза и представлены въ Императорскую Академію Наукъ.

простаго народа, и нѣкоторыя слова Тюркскаго діалекта или лучше Адербиджанскаго. Я допускаю, что въ немъ, какъ и во всякомъ провинціальномъ нарѣчіи, могли уцѣлѣть слова, которыя не льзя встрѣтить въ языкѣ очищенномъ и опредѣленномъ общимъ употребленіемъ.

Занятія мои этимъ нарѣчіемъ дали мнѣ нѣкоторые матеріалы для Филологіи Персидской и послужатъ новымъ указаніемъ при особенномъ полномъ сочиненіи объ языкѣ и діалектахъ Персіи, надъ которымъ *я* давно тружусь.

Въ Ленкоранѣ продолжалъ *я* путь чрезъ Сальяны. Ленкоранъ, бывшій главнымъ городомъ Талышинскаго Ханства, лежитъ на границѣ Персіи съ Россіею; языкъ этой сосѣдней провинціи Персіи довольно замѣчателенъ. Онъ болѣе самостоятеленъ, нежели *Татъ*, и сливается изъ элементовъ самобытныхъ; въ немъ есть своя Лексикографія. Не льзя не поразиться звуками этого языка, часто весьма грубыми, и словами совершенно новыми для каждаго, знакомаго даже съ Арабскимъ, Персидскимъ и Турецкимъ языками. Оригинальность этого языка невольно обратила на меня свое вниманіе; *я* успѣлъ ознакомиться съ этимъ діалектомъ, продля на нѣкоторое время (около 3 недѣль) мое пребываніе въ городѣ, не представившемъ мнѣ болѣе ничего любопытнаго, и составилъ довольно значительное собраніе словъ и правилъ языка Талышинскаго. Въ ту пору *я* не могъ еще опредѣлить мѣсто этому нарѣчію между Персидскими діалектами, которыхъ вовсе не зналъ, но въ послѣдствіи нашелъ, что это одинъ изъ языковъ, весьма рѣзко отличающихся, особенно въ лексическомъ отношеніи, отъ всѣхъ извѣстныхъ діалектовъ Персіи. Въ немъ своя конструкція, своя Грамматика, иногда имѣющая сходство съ Турецкою; *я* нашелъ, что въ этомъ языкѣ встрѣчаются и слова свойственныя языку Курдовъ. Литературныхъ произведеній *я* не могъ собрать, если не считать трехъ или четырехъ пѣсенъ, списанныхъ мною со словъ Талышинцевъ.

Персія. Персія, пережившая свои баснословные и блистательные періоды, нѣкогда могучая своимъ значеніемъ и вліяніемъ, лежитъ нынѣ въ развалинахъ. Историческіе памятники классическаго Персеполиса, Экбатаны, Сузъ и др.,

только съ недавняго времени начали пополнять наши знанія о древнемъ состояніи этой древнѣйшей исторической страны. Для Филолога Персія скрываетъ до сихъ поръ много матеріаловъ, объясняющихъ языки разныхъ ея періодовъ и нарѣчія разныхъ ея племенъ. Персія, называемая нами такъ изъ подражанія Грекамъ (Persis), однимъ именемъ своимъ (Фарсъ), которымъ зовутъ ее на Востокѣ, напоминаетъ намъ древнѣйшій религіозный свой бытъ. Фарсъ, какъ называютъ ее Персіяне, связываетъ свое значеніе съ ученіемъ Зороастра (Зердушта): это имя принадлежитъ собственно Южной провинціи ея и прозванію учениковъ великаго Мага (Парсъ).

Сѣверная провинція Персіи — Адербиджанъ (древняя Мидія), — въ которую вступилъ я оставивъ предѣлы моего Отечества — была первымъ поприщемъ, гдѣ я искалъ слѣдовъ огнепоклонства. У нѣкоторыхъ Восточныхъ Писателей она называется Азеръ-Абадеганъ, что значитъ *обиталище огня;* но безмолвные и незначительные остатки, которые встрѣчаются на пути до Тавриза, не разрѣшаютъ собою ни одного вопроса, даже не напоминаютъ съ достовѣрностію о древнемъ вѣрованіи Персіи. Все богатство памятниковъ исторической и религіозной жизни Персіи находится въ Южной ея провинціи — въ Фарсѣ.

Проходя по пути, указанному мнѣ планомъ путешествія, я остановился въ Адербилѣ.

Здѣсь мечеть Сефевидская, одинъ изъ лучшихъ образцевъ художественной жизни Ирана, равняющійся съ первостепенными его архитектурными произведеніями, привлекла мое вниманіе. Эта мечеть до послѣдняго времени заключала въ себѣ много умственныхъ произведеній Востока; нынѣ не видать въ ней слѣдовъ ихъ при настоящемъ упадкѣ литературной дѣятельности у Персіянъ. Языкъ, которымъ говорятъ въ этой провинціи, принадлежитъ къ семейству Тюркскихъ нарѣчій, ибо жители ея принадлежатъ къ тому же племени. Путешествіе по Адербиджану послужило мнѣ съ успѣхомъ къ знакомству съ его діалектомъ, который сдѣлался мнѣ болѣе доступнымъ въ Тавризѣ; оно соединялось и съ другою пользою. я дѣлалъ географическую повѣрку этой части Персіи, которой описаніе еще не приведено въ

надлежащую точность. Географія Хамдуллаха-Местуфи была въ этомъ случаѣ руководствомъ для моихъ наблюденій.

Вступивъ въ многолюдный Тавризъ (въ Октябрѣ), путешественникъ невольно ищетъ остатковъ древняго города — историческихъ слѣдовъ, которые подали поводъ ко многимъ догадкамъ. Нѣкоторые желали въ немъ видѣть древнюю Экбатану, другіе Сузу и Тиграно-Керту. Хотя землетрясенія, которыя такъ часто разрушали этотъ городъ, лишаютъ средствъ прійти къ одному изъ этихъ заключеній, однакожь самая мѣстность и многія сказанія древнихъ совершенно отвергаютъ это предположеніе. Въ Тавризѣ памятники до-Мусульманскаго періода совершенно разрушены; впрочемъ, сказанія объ огромности Тавриза могутъ оправдаться и подтвердиться почти съ тою вѣроятностію, съ какою объ нихъ говорили.

Какъ путешествіе чрезъ Гилянъ и Мазандеранъ было весьма затруднительно и не возможно по краткости времени, хотя и соединяло съ собою изученіе новыхъ нарѣчій этой страны, то по пріѣздѣ моемъ въ Тавризъ я тотчасъ же искалъ средствъ къ изслѣдованію этихъ діалектовъ— Гилеки и Мазандерани. Извѣстно, что нарѣчія Персидскія до сихъ поръ остаются еще мало изслѣдованными: посему, сверхъ главныхъ занятій Арабскимъ, Персидскимъ и Турецкимъ языками, я предположилъ себѣ и эти новые труды; я нашелъ средства къ изученію языковъ Сѣверныхъ провинцій въ самомъ Тавризѣ, съ помощію природныхъ Гилянцевъ и Мазандеранцевъ.

Библіографическія и нумизматическія пріобрѣтенія, сдѣланныя мною здѣсь, довольно значительны; они препровождены были въ Казанскій Университетъ, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями моими для Ботаническаго Музеума.

Пріобрѣтенія Восточныхъ рукописей въ Персіи не соединяется съ такими затрудненіями, какія представляются въ этомъ случаѣ въ Турціи и въ Египтѣ; здѣсь книжная торговля болѣе доступна для Европейцевъ.

Я отправился въ Тегеранъ послѣ двухмѣсячнаго (Октябрь и Ноябрь) пребыванія моего въ Тавризѣ, гдѣ нача-

лись постоянныя мои занятія Восточными языками, и гдѣ я началъ по книгамъ и разсказамъ знакомиться съ разными Мусульманскими сектами. Отсюда предпринято мною путешествіе въ Тегеранъ, въ началѣ Декабря 1842 года.

Путь въ столицу Персіи лежалъ чрезъ Туркменчай, Міане, Султанію и Казвинъ; на этомъ пути услыхалъ я наконецъ и родной языкъ Персіи. До сихъ поръ употребительнѣйшимъ языкомъ былъ Адербиджанскій; въ провинціи этой не только не говорятъ, но даже и мало знаютъ Персидскій: слѣдовательно подробное изученіе его представлялось мнѣ далѣе, въ Иранѣ Персидскомъ (Иранъ Аджеми), а въ особенности въ Фарсѣ и въ его главномъ городѣ Ширазѣ. Разговорный языкъ, языкъ народа имѣетъ свои формы, свои слова (не говоря о провинціальныхъ нарѣчіяхъ), свою фразеологію и отличается во многомъ отъ книжнаго. Не смотря на то, что я былъ уже знакомъ съ нимъ до путешествія моего на Востокъ, я нашелъ въ немъ много новаго, любопытнаго и необходимаго для точнаго и полнаго изученія Персидской Филологіи.

Въ Султаніи заняли меня нѣкоторые остатки города, построеннаго въ XIII столѣтіи Монголами. Зенганъ, основанный Ардеширомъ Бабеганомъ и разоренный Монголами, не носитъ на себѣ никакихъ замѣчательныхъ слѣдовъ своего существованія; по указаніямъ Хамдуллаха-Местуфи, я искалъ здѣсь признаковъ древняго Пеглевійскаго языка. Казвинъ, который называетъ Географъ «одною дверью рая», замѣчателенъ образцами Персидскаго Зодчества; дворецъ Казвинскій есть выраженіе степени Художества и вкуса, утраченныхъ послѣ Сефевидовъ.

Въ столицѣ Персіи, въ Тегеранѣ, пребываніе мое заключало въ себѣ также изученіе діалектовъ Гиляна, Мазандерана и Курди; здѣсь я познакомился съ ними короче, нежели въ Тавризѣ. Тегеранъ, какъ столица, представляетъ собою стеченіе всѣхъ племенъ, населяющихъ Персію; языки ихъ болѣе или менѣе разнятся между собою, и невольно завлекаютъ наблюдателя въ Филологическія изслѣдованія.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы языки племени Курдовъ, такъ мало изслѣдованные Оріенталистами, могли имѣть,

кромѣ устной Литературы, столь обширную письменную. Языкомъ Курди говорятъ племена, заселяющія огромное пространство между Сиріей, Арменіей и Тигромъ; нарѣчіе это слышишь въ устахъ племенъ Люристана, которыхъ называю я Курдами, какъ и Бахтіяри, вопреки мнѣнію Гаммера, основанному на неточныхъ филологическихъ изслѣдованіяхъ. Онъ думаетъ, что Люръ есть Арабское племя, и слѣдовательно языкъ его Арабскій.

Продолжая изученіе языка многочисленнаго племени Курдовъ (Кюрди), я нашелъ, что онъ дѣлится на многія діалекты, о которыхъ донынѣ никто не упоминалъ; такъ же распадается и самый народъ Курды на множество колѣнъ, по большей части не исчисленныхъ. Какъ провинціи Курдовъ занимаютъ собою часть Турціи, то вліяніе языка Турецкаго на языкъ тѣхъ колѣнъ объясняется самъ собою; въ языкѣ Курдовъ Персіи видно преобладаніе Персидскаго. Арабскій языкъ, какъ элементъ обоихъ, т. е. Турецкаго и Персидскаго, входитъ также въ языкъ и особенно въ письменную Литературу Курдовъ. Народъ этотъ дѣлится на множество племенъ или колѣнъ, изъ которыхъ мы знаемъ только немногія по именамъ (по Гаммеру до 70), потому и невозможно указать съ достовѣрною точностію на всѣ діалекты, которыми говорятъ въ Курдистанѣ.

Въ Персіи многочисленныя племена Курдовъ называютъ себя *Леки* и говорятъ языкомъ, который различается отъ другаго нарѣчія *Люри;* сюда включается и огромное племя Бахтіярцевъ, которое имѣетъ свою Литературу, такъ точно, какъ и первыя. Эти два нарѣчія Курдовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ третье, называемое мною Кюрди, было предметомъ моихъ занятій. У Курдовъ есть своя Литература, Литература отчасти оригинальная, отчасти перенесенная съ Персидской почвы. Въ ней находимъ мы множество именъ, прославившихся въ Поэзіи и Исторіи.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, найденныхъ мною въ Курдской Литературѣ, есть *Ода Богъ,* которая носитъ названіе: Откровеніе *Муллы Недждефа.*

Такимъ образомъ въ Тегеранѣ, кромѣ діалектовъ Сѣверной Персіи, то есть Гилеки (Гилянская) и Мазандерани

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

(Мазандеранская), изъ которыхъ первый весьма близокъ къ Персидскому, я ознакомился съ діалектами, называемыми мною: Курди, Леки, Люри, куда принадлежитъ и нарѣчіе Бахтіяри (*).

Знакомство съ Гебрами и ихъ Мобедами (священниками) послужило мнѣ поводомъ къ знакомству съ ихъ нарѣчіемъ (Гебрскимъ). Извѣстно, что въ Персіи Гебры преимущественно населяются въ Іездѣ и Керманѣ; ихъ весьма мало въ Ширазѣ и не много въ Тегеранѣ. Ихъ языкъ не представляетъ собою особеннаго самобытнаго діалекта, а есть испорченное нарѣчіе Персидскаго, въ которомъ едва ли отыщется болѣе слѣдовъ древне-Персидскихъ, чѣмъ въ другихъ діалектахъ.

Между небольшимъ числомъ Гебровъ искалъ я пособія для знакомства съ Зендскимъ; но они не могли мнѣ оказать ожидаемыхъ услугъ, живя въ глубокомъ невѣжествѣ.

Опредѣленіе этихъ діалектовъ и взаимное отношеніе ихъ изложено мною подробно въ донесеніи моемъ изъ Испагани.

Трехмѣсячное пребываніе въ Тегеранѣ послужило мнѣ съ особенною пользою для Персидской Филологіи. Арабскій языкъ входилъ также въ составъ ежедневныхъ занятій моихъ. Занимаясь чтеніемъ разныхъ, довольно трудныхъ сочиненій на Персидскомъ языкѣ, я обратился и къ чтенію дипломатическихъ бумагъ, къ чему доставлены были мнѣ всѣ средства нашею Миссіею въ Тегеранѣ.

Къ языкамъ Тюркскаго племени, изъ которыхъ мнѣ было знакомо Адербиджанское, присоединилъ я и знакомство съ Тюркменскимъ. Языкъ этотъ стоитъ ниже Адербиджанскаго и подходитъ къ нарѣчіямъ болѣе необразованнымъ. Стамбули, какъ образованнѣйшій діалектъ, не носитъ уже тѣхъ словъ, которыя сберегаются въ обоихъ діалектахъ: слѣдовательно не только въ грамматическихъ, но и лексическихъ началахъ діалектъ этотъ представляетъ видимую разницу.

(*) Аделунгъ, приводя систему Персидскихъ нарѣчій, говоритъ о языкѣ Бахтіяри, что онъ не извѣстенъ. Mithridates, T. I. стр. 294.

Археологическія занятія мои здѣсь ограничивались посѣщеніемъ развалинъ нѣкогда огромнаго города Рея; между ими уцѣлѣлъ одинъ памятникъ болѣе замѣчательный своею Архитектурою. Это — Бюрджи-Іезидъ (برج يزيد), башня Іезида. Она носитъ куфическую надпись, которая снята мною.

Окончивши занятія въ Тегеранѣ, по которымъ я продлилъ пребываніе свое въ этомъ городѣ, я отправился въ Испагань (въ половинѣ Марта).

На пути въ древнюю столицу Персіи, я посѣтилъ Кумъ, древній городъ, мѣсто пелеринажа Персіянъ, замѣчательный по нѣкоторымъ архитектурнымъ произведеніямъ своимъ. На пути около *Пули-Деллакъ* познакомился я съ одною Мусульманскою сектою, называемою Черахъ-Кушанъ; мнѣ кажется, что секта эта порожденіе Измаэлитовъ.

Кашанъ представляетъ путешественнику свое нарѣчіе, которое зовутъ Кашани, или по тамошнему выговору — Кашуни.

Испагань, которую по всѣмъ правамъ можно назвать столицею образованности и вкуса, представляетъ собою картину отжившей Персіи, напоминая блистательный періодъ Сефевидовъ; языкъ Персидскій здѣсь ближе къ своей родинѣ, чѣмъ въ Тегеранѣ и въ остальныхъ Сѣверныхъ провинціяхъ; онъ уступаетъ еще Ширазскому, которымъ восхищается каждый Персіянинъ. Усвоивая живое слово этого народа, я поставилъ себѣ долгомъ посѣщать высшія медресѣ (училища), гдѣ на ряду съ Мусульманами слушалъ лекціи ихъ Ученыхъ. Это раскрыло мнѣ взглядъ ихъ на Науку и показало настоящее состояніе и степень ея упадка въ Персіи. Сверхъ объясненій Алкорана и догматовъ его, я слышалъ здѣсь Ученыхъ, объясняющихъ извѣстныхъ Арабскихъ Врачей: Эррази, Ибнъ-Сину и толкующихъ Астрологію; изъ любопытства я ознакомился съ ихъ пріемами врачеванія и убѣдился въ томъ, что едва ли гдѣ Медицина стоитъ на высшей степени невѣжества, какъ въ Персіи. Я успѣлъ, противъ всякаго ожиданія, свести здѣсь знакомство съ высшимъ Духовенствомъ Мусульманъ, какъ-то:

Имамъ-Джум'а и др., что доставило мнѣ много весьма любопытныхъ наблюденій надъ религіознымъ и умственнымъ состояніемъ Персіи. Знакомство съ Учеными и Муллами Испаганскими открыло мнѣ путь не только къ посѣщенію училищъ, но и нѣкоторыхъ библіотекъ.

Занимаясь въ нихъ постоянно выписками изъ манускриптовъ и сличеніемъ ихъ между собою, я нашелъ здѣсь случай къ пріобрѣтенію многихъ для Библіотеки Казанскаго Университета. Знакомясь съ Мухаммеданскими сектами, я имѣлъ здѣсь случай видѣть секту Али-Аллаха, почитающую Али за Верховное существо. Эта секта презирается Персіянами: она скрываетъ ученіе свое въ тайнѣ.

На пути въ Ширазъ лежатъ развалины Персеполя или Пасаргады (Парса града), древняго Истахра; эта группа монументовъ со своими надписями представила мнѣ новыя занятія, которыя задержали здѣсь меня около двухъ недѣль. Персеполь, съ завѣщанными на стѣнахъ своихъ сказаніями о древнѣйшемъ состояніи Персіи, хотя и былъ предметомъ вниманія и трудовъ многихъ путешественниковъ, но требовалъ новой повѣрки надписей. Я облегчилъ себѣ этотъ трудъ предварительнымъ изученіемъ клинообразныхъ письменъ. Неудовлетворяясь однимъ списываніемъ надписей, по большей части уже извѣстныхъ, по снимкамъ болѣе или менѣе вѣрнымъ, я рѣшился продолжать раскапываніе другихъ частей памятника Техти-Джемшидъ (تخت جمشيد), заваленныхъ землею. Труды мои увѣнчались новымъ открытіемъ одного камня, носящаго также клинообразную надпись. Въ Персеполисѣ три рода клинообразныхъ надписей.

Замѣчательнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ моимъ было снятіе огромныхъ надписей въ другой части Персеполиса, не снятыхъ до той поры ни однимъ изъ путешественниковъ. Это пріобрѣтеніе сдѣлано мною вмѣстѣ съ Датскимъ путешественникомъ Вестергардомъ, со скалы, называемой Накши-Рустемъ, въ которой предполагаютъ могилу Дарія. Надписи, находящіяся здѣсь, не были замѣчены путешественниками по причинѣ чрезвычайной высоты, на которой онѣ врѣзаны.

Отсюда посѣтилъ я долину *Мургабъ*, которая находится на мѣстѣ, называемомъ *Мадери Сюлейманъ*; сюда запрещается входъ путешественникамъ, потому что зданіе это служитъ мѣстомъ поклоненія Мусульманокъ; не смотря на это, я нашелъ случай снять надпись, здѣсь заключавшуюся, проникнувъ въ харемъ Мадери Сюлеймань.

Окончивши работы въ Мургабѣ, на могилѣ Кира и въ долинѣ Мердештъ, я отправился въ Ширазъ.

Ширазъ—родина чистаго Персидскаго языка: каждый Персіянинъ восхищается языкомъ Шираза, отдавая ему преимущество передъ нарѣчіями остальной Персіи. Здѣсь нашелъ я также довольно Ученыхъ и многихъ приверженцевъ секты Суфи. Въ Ширазѣ я предался вполнѣ изученію Персидскаго языка и сдѣлалъ его себѣ доступнымъ по возможности.

Ширазскія пѣсни, столь уважаемыя въ Персіи и извѣстныя подъ названіемъ *Ширази*, собраны мною здѣсь въ большомъ количествѣ. Въ окрестностяхъ Шираза я посѣтилъ нѣсколько памятниковъ древностей до-Мусульманскаго періода. Отсюда предстоялъ мнѣ путь въ Багдадъ чрезъ Бассору (Басру); но какъ въ лѣтніе мѣсяцы прекращается всякое сообщеніе сухимъ путемъ съ Бассорою и жаръ въ степяхъ дѣлается невыносимымъ, то я долженъ былъ оставить эту дорогу и избрать дальнѣйшую для путешествія въ Турцію. Изъ Шираза я отправился обратно чрезъ Испагань въ Хамаданъ, на развалины древней Экбатаны, и въ Керманшахъ, черезъ провинціи, заселенныя Курдами. Это путешествіе соединяло въ себѣ двойную пользу: я посѣтилъ Западную мало посѣщаемую часть Персіи и часть Курдистана.

Проходя по Западной части Персіи, отъ Испагани къ Хамадану, я встрѣтилъ множество Армянскихъ селеній. Недостаточность свѣдѣній вообще о Христіанахъ на Востокѣ, была мнѣ поводомъ къ составленію статистическихъ описаній мѣстъ, занимаемыхъ ими, и къ подробному исчисленію этихъ семействъ, поселенныхъ въ Персіи послѣ извѣстныхъ страшныхъ эмиграцій.

Армяне живутъ въ жалкомъ угнетеніи въ Персіи; они утрачиваютъ свои нравы, обычаи, языкъ и помрачаютъ

даже свою религію, погружаясь въ полудикое состояніе (*).

Риттеръ говоритъ въ Географіи своей, что полоса, по которой я проходилъ, была весьма мало посѣщаема Европейцами. Она проходитъ между цѣпью Мидійскихъ горъ Хунсаръ (извѣстной по походу Александра) до Альвенда (древняго Оронта), у подножія котораго лежитъ столица Мидіи Экбатана (нынѣ Хамаданъ).

Хамаданъ представилъ изслѣдованіямъ моимъ древніе остатки свои, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій *Генджъ-Намѣ*, съ большою клинообразною надписью; она начертана также тремя различными почерками, какъ надписи Персеполиса. Бюрнуфъ объяснилъ одинъ столбецъ (почерка перваго рода), но въ снимкѣ его допущены ошибки со стороны списывавшаго надпись.

На пути въ Керменшахъ, гдѣ посѣтилъ я развалины храма Діаны (въ Кенгяверѣ), я проходилъ по селеніямъ Курдовъ, представившимъ мнѣ новыя наблюденія надъ ихъ нравами, обычаями и языкомъ. Все протяженіе между Хамаданомъ и Керманшахомъ наполнено памятниками древней Персіи; замѣчательные изъ нихъ: *Бисутунъ*, памятникъ не оконченный, но стоящій наравнѣ съ первостепенными памятниками Персіи; это *Багистанъ* Діодора, чрезъ который проходила Семирамида изъ Вавилона и гдѣ останавливался Александръ на пути въ Экбатану. Я обратилъ вниманіе и на топографическую сторону края, имѣющаго большую важность въ опредѣленіи путей древнихъ походовъ, и положилъ на карту мою дорогу отъ Испагани до Керманшаха. Богатство въ клинообразныхъ надписяхъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ этому послѣднему городу.

Керманшахомъ заключалось (въ Октябрѣ) путешествіе мое по Ирану. Городъ этотъ населенъ Курдами разныхъ семействъ; языкъ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ предметомъ моихъ изслѣдованій. Здѣсь остановился я для археологиче-

(*) Этотъ предметъ составлялъ содержаніе особенной записки, сообщенной мною Г. Академику Броссе.

скихъ занятій въ Таки-Бустанѣ и снялъ Пеглевійскія надписи; въ прежніе снимки вкрались нѣкоторыя ошибки.

За Керманшахомъ и Кериндомъ (Carinas Псидора) у Серипуль (древняя Zagripylae) начинается граница Турціи.

Въ Персіи провелъ я ровно годъ, считая отъ начала Октября 1842 года до этого же мѣсяца 1843 года. Такимъ образомъ для Филологіи Персіи я трудился надъ изслѣдованіемъ ея діалектовъ, которымъ даю слѣдующую систему: Гилеки, Мазандерани, Талыши, языки Курдовъ, собственно Курди, Леки, Люри, куда относится Бахтіари и друг.

Остальные діалекты — *Тать*, *Гебри* и другіе провинціальные, не вношу я въ эту систему наравнѣ съ приведенными, какъ діалекты необразованные — испорченные.

Турція (Азіатская). Путешествіе черезъ Багдадъ, Мосуль, Діарбекиръ и Орфу, Сирію, Палестину и Египетъ посвящено изученію Арабскаго языка съ его діалектами. Я оставилъ границу Персіи, простившись съ ея величественными памятниками: *Бисутуномъ*, *Таки-Бустаномъ*, *Касри Ширинъ* и друг., лежащими въ окрестностяхъ Экбатаны и Керманшаха. Отсюда селенія Курдовъ смѣняются Арабскими ставками; вмѣсто парѣчій Гуранъ, Кельхоръ и другихъ племенъ Курдовъ здѣсь слышится Арабскій языкъ. Незначительныя развалины, встрѣчающіяся на пути въ Багдадъ, провожаютъ путешественника до стѣнъ города.

Въ Багдадскомъ Пашалыкѣ я былъ уже на границахъ Месопотаміи и приводилъ себѣ на память древнѣйшія событія міра, происшедшія на этой исторической сценѣ; желая пройти по мѣстамъ, сохранившимъ остатки отдаленныхъ временъ этого края, я оставилъ черезъ нѣсколько дней Багдадъ для посѣщенія береговъ Евфрата, развалинъ Вавилона, Ктезифона, Селевкіи и др. мѣстъ. Я отправился сначала въ *Кербелу*, священный городъ Шіитовъ, недоступный до послѣднихъ временъ для Европейскихъ путешественниковъ. Такимъ образомъ я былъ изъ первыхъ, проникнувшихъ въ этотъ харемъ Персіянъ. Отсюда я направилъ путь въ *Хилле*, на развалины Вавилона черезъ *Мусейбъ*. Отъ *Муавиля* начинаются слѣды развалинъ; ихъ причисляютъ къ остаткамъ

этого великаго города древности— *Бабель* (Бабуля). Огромное пространство пустыни, простирающейся до *Хилле*, почти все засыпано разбросанными кое-гдѣ развалинами, напоминающими прошедшее величіе прибережья Евфрата. Геродотово описаніе обширности Вавилона вполнѣ оправдывается пространствомъ, на которомъ встрѣчаются нынѣ развалины великаго города древности,

Муджелибе или *Маклубе*, часть развалинъ Вавилона, образуетъ собою довольно правильный холмъ, обращенный четырьмя сторонами къ четыремъ странамъ свѣта. Недалеко отсюда есть другое возвышеніе, называемое *Касръ*. Здѣсь, говорятъ, былъ дворецъ *Навуходоносора* (Бухтенасра) и висячіе сады, устроенные имъ по желанію его супруги Амитисъ. Описаніе частей этого зданія древними до сихъ поръ подтверждается остатками, находимыми здѣсь. Подобно этимъ холмамъ, въ пустынѣ стоятъ еще другія ; но замѣчательны только *Амранъ* и *Альхимеръ*. Тамъ почти вездѣ находятъ обломки съ клинообразными надписями (здѣсь новый родъ почерковъ). *Бирсъ Нимрудъ* есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ въ группѣ руинъ Вавилона. Площадь, занимаемая этою развалиною, совершенно соотвѣтствуетъ базису храма Бела, измѣренному Геродотомъ и Страбономъ. Чудесный храмъ приписываютъ славѣ Навуходоносора ; думаютъ,- что слѣды Вавилонской башни послужили основаніемъ этому величественному зданію. И здѣсь путешественникъ также убѣждается въ точности разсказа древнихъ. Измѣряя базисъ, находишь площадь храма Бела.

Желая познакомиться съ языкомъ пустынныхъ Арабовъ — Бедуиновъ, я рѣшился провести нѣкоторое время въ кочевьяхъ ихъ; въ Багдадѣ же обратился къ изученію книжнаго и разговорнаго (городскаго) Арабскаго языка. Древніе остатки столицы Халифовъ представили мнѣ много любопытнаго; осмотрѣвши ихъ, я посѣтилъ и близлежащія окрестности города съ развалинами *Ктезифона* и *Селевкіи*, извѣстные подъ названіемъ *Альмадаинъ ;* здѣсь остатки дворца Хозроевъ (*Таки-Кесра*), на другомъ берегу, признаки существованія Селевкіи , созданной изъ развалинъ

Вавилона, и павшей при Омарѣ. Близъ Багдада лежитъ *Теле-Нимрудъ* или развалины Акаркуфъ; нѣкоторые предполагаютъ въ немъ слѣды Ситаціи Ксенофонта, но едва ли догадка эта справедлива.

Безпокойства, возникшія въ Мосулѣ по смерти тамошняго Паши (Мухаммеда-Паши), прекратили всякое сообщеніе въ Багдадомъ. Это удержало меня здѣсь противъ всякаго ожиданія. При постоянныхъ занятіяхъ моихъ Арабскимъ языкомъ Месопотаміи, который отличается отъ языка Сиріи и Египта, я обратилъ особенное вниманіе на превосходную Восточную Библіотеку Англійскаго резидента Полковника Телöра, который посвятилъ болѣе 25 лѣтъ неусыпному пріобрѣтенію интереснѣйшихъ сочиненій на Арабскомъ, Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ. Эта коллекція манускриптовъ замѣчательна (*); я ознакомился съ нею во всѣхъ подробностяхъ, что составило для меня особенный трудъ.

Библіотека Телöра заняла меня особенно потому, что онъ возпамѣрился публиковать о продажѣ всѣхъ своихъ Восточныхъ манускриптовъ. Составленіе подробнаго описанія этой коллекціи, при моихъ постоянныхъ занятіяхъ ея рѣдкостями, считалъ онъ неотъемлемымъ правомъ Русскаго на пріобрѣтеніе этого богатства въ пользу своего Отечества. Описаніе всѣхъ манускриптовъ, съ оцѣнкою каждаго въ отдѣльности, было представлено мною Начальству Казанскаго Университета въ свое время, при частныхъ моихъ донесеніяхъ.

Въ половинѣ Февраля (1844 года) я оставилъ Багдадъ, спѣша въ Сирію черезъ Мосулъ.

На пути въ Мосулъ, я посѣтилъ *Керкукъ* и *Арбеллы* (Эрбиль), и потомъ спѣшилъ обозрѣть окрестности древней Ниневіи и открытія, сдѣланныя Французскимъ Консуломъ Боттою, а потому я отправился сначала въ *Нимрудъ*; это — Ларисса Ксенофонта, совершенно забытая всѣми

(*) Академикъ Френъ, которому я передалъ мое подробное описаніе этой коллекціи, говоритъ объ ней съ выгодной стороны въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Heft 1, S. 90.

путешественниками. Остатки этого города находятся въ $5^1/_2$ часахъ пути отъ Мосуля. Не удовлетворившись разбросанными здѣсь обломками, признаками архитектурнаго памятника, я началъ разрывать внутренность холма, около котораго указываютъ остатки города. Труды мои увѣнчались открытіемъ камня съ клинообразною надписью. Это было первымъ поводомъ къ заключенію, что здѣсь, подобно какъ въ *Хорсабадѣ* (гдѣ сдѣлалъ открытія Ботта), должны находиться памятники древняго Зодчества. Я не могъ продолжать такого рода медленныхъ работъ, а обратилъ только на нихъ вниманіе Ботты. Дальнѣйшая разработка холма Лаертомъ повела его, какъ извѣстно, къ прекраснѣйшимъ открытіямъ (*).

Такимъ образомъ почавши нетронутый рудникъ, въ которомъ хранились открытія Лаерта, я отправился на Сѣверъ отъ Мосуля, для посѣщенія древнѣйшихъ Христіанскихъ алтарей; изъ нихъ многіе лежатъ уже въ развалинахъ. Я посѣтилъ *Марѣ-Бейнамъ*, *Марѣ-Матай* съ гробницею *Абулфараджа* или Баръ-Эбреа и др. Идя все далѣе и далѣе въ горы Курдистана, и постоянно продолжая Филологическія наблюденія надъ языкомъ Курдовъ, я зашелъ наконецъ въ глубину горъ *Езиди*, въ ихъ монастырь *Шейхъ-Аади*. Это путешествіе было также одною изъ первыхъ попытокъ путешественниковъ проникнуть къ самому хищному и неприступному семейству Курдовъ: оно доставило мнѣ много разнообразныхъ новыхъ наблюденій.

Мнѣ удалось видѣть открытія Ботты въ совершенномъ ихъ блескѣ. Во время пребыванія моего въ Хорсабадѣ, работы Консула приводились къ окончанію. Многія части Ассирійскаго памятника были имъ снова зарыты, для сбереженія отъ наружнаго вліянія воздуха и поврежденій, которымъ онѣ замѣтно подвергнулись. Только скорый пріѣздъ Французскаго Художника Фландена, котораго сюда ожидали, подалъ поводъ реставратору Ниневійскаго памят-

---

(*) Снимокъ съ этой надписи, неизвѣстной и первой открытой въ Нимрудѣ, приложенъ въ концѣ книжки.

ника снова открыть засыпанныя части, для снятія съ нихъ точныхъ живописныхъ копій. Такимъ образомъ я былъ первый изъ путешественниковъ, разсмотрѣвшій самую большую часть или весь памятникъ древняго Ассирійскаго Зодчества (*).

Необыкновенное богатство клинообразныхъ надписей и описаніе частей памятника удержали меня въ Хорсабадѣ на нѣсколько дней, гдѣ, подъ руководствомъ самого Ботты, я дѣлалъ изслѣдованія во всѣхъ подробностяхъ. Кстати прибавлю, что почеркъ найденныхъ здѣсь надписей одинаковъ съ почеркомъ той надписи, которую я открылъ въ Нимрудѣ.

Путешествіе чрезъ Діарбекиръ до границъ Сиріи представляло мнѣ много наблюденій въ географическомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Путь мой лежалъ чрезъ *Мардинъ*, *Діарбекиръ*, *Низибинъ* и *Орфу*. Страны, по которымъ я проходилъ, составляютъ часть Курдистана, такъ мало извѣстнаго. Какъ до сихъ поръ мы не имѣемъ сколько-нибудь удовлетворительнаго этнографическаго описанія племенъ этой полосы Азіи, то, при обширномъ изученіи новыхъ діалектовъ, я обратилъ особенное вниманіе на собираніе матеріаловъ, пополняющихъ эту часть Географіи. Пріобрѣтеніе такихъ свѣдѣній стоило мнѣ часто большихъ трудовъ и пожертвованій. По собраннымъ мною даннымъ, я насчитываю до 300 племенъ Курдовъ, и думаю, что нынѣшнее подробное изслѣдованіе Курдистана можетъ пролить новый свѣтъ на древнее состояніе этой провинціи Турціи.

До сихъ поръ не рѣшено еще удовлетворительно, кто были въ древности нынѣшніе Курды: въ самомъ ли дѣлѣ *Кардухіи* Ксенофонта, или *Гордіаны* и *Халдеи*, или наконецъ *Кύρτιοι* Стравона. Можетъ быть, это одинъ и тотъ же народъ, только подъ разными наименованіями, переданными въ разное время.

(*) Объ этомъ памятникѣ я буду имѣть случай говорить отдѣльно. Въ частномъ отчетѣ моемъ изъ Алеппо онъ былъ описанъ подробнѣе.

Письменные памятники на языкѣ Курдовъ, найденные мною въ Курдистанѣ, должно счесть за важное открытіе для Филологіи Персидской. Рѣшусь прибавить, что едва ли что подобное было найдено до сихъ поръ въ такомъ обиліи, въ какомъ собраны мною сіи памятники. Вообще путешествіе отъ Багдада до Сиріи, представившее много новаго и любопытнаго, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и труднѣйшимъ періодамъ странствованія моего по Востоку.

Сирія и Палестина. — Сирія съ разными періодами своего существованія представляетъ путешественнику множество предметовъ, на которыхъ останавливается его вниманіе. Путешествіе мое по Сиріи началось съ Орфы, гдѣ я осмотрѣлъ остатки древностей, напоминающихъ времена Крестоносцевъ. Вступая въ эту провинцію, путешественникъ-Филологъ находитъ поприще для новыхъ наблюденій надъ языкомъ Сиріи. Арабскій языкъ Месопотаміи является здѣсь въ новыхъ формахъ, съ измѣненіемъ своей лексикографіи, съ новымъ выговоромъ. Знакомый уже съ нѣсколькими племенами Арабовъ-Бедуиновъ и съ ихъ языкомъ, я обратился въ Алеппо къ изученію мѣстнаго діалекта Сиріи. Языкъ Бедуиновъ, кочующихъ близъ Алеппо въ великой пустыни Арабовъ, рѣзко разнится отъ разговорнаго языка Алеппцевъ. Языкъ пустыни вообще является болѣе сохранившимся отъ посторонняго вліянія, чѣмъ языкъ горожанина, живущаго постоянно среди другихъ племенъ, совершенно чуждыхъ Арабу.

Кромѣ обозрѣнія древнихъ остатковъ давняго существованія этого города, меня заняло здѣсь снятіе нѣсколькихъ надписей, изъ которыхъ замѣчательнѣйшая — неизвѣстнаго мнѣ почерка. Въ Алеппо я обозрѣлъ нѣсколько библіотекъ, и пріобрѣлъ описаніе той, которая была для меня болѣе доступною (*). Такого рода библіографическія пріобрѣтенія сопряжены съ большимъ затрудненіемъ на

(*) Описаніе этой библіотеки представлено мною Г. Академику Френу, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ замѣчательной библіотеки Телёра въ Багдадѣ, о которой я упомянулъ выше.

Востокѣ; входъ въ Мусульманскія библіотеки вообще закрытъ для Европейца въ Турціи и Египтѣ.

Въ началѣ Мая оставилъ я Алеппо и направилъ путь свой на Бейрутъ чрезъ *Антакію*, *Латакію* и *Триполи*.

Прибрежье Средиземнаго моря, кипѣвшее въ древности торговлею и населенностію, покрыто развалинами разныхъ вѣковъ и періодовъ.

Въ Антакіи, древней Антіохіи, основанной Селевкомъ Никаторомъ, къ сожалѣнію, разрушены уже древнія стѣны ея: это относятъ къ пребыванію Египтянъ въ Сиріи.

Латакія, древняя Лаодикея — куда проходитъ путь чрезъ Дафнэ— богаче остатками древней Архитектуры. Здѣсь посвятилъ я краткое пребываніе свое (2 дня) обозрѣнію развалинъ храма *Марса* и Некрополиса, свидѣтельствующаго объ обширности города. На пути въ Триполи осмотрѣлъ древній амфитеатръ въ Джебели (Гебалла); говорятъ, что онъ принадлежитъ къ самымъ большимъ сохранившимся въ Сиріи. Въ *Тортозѣ* (вѣроятно древней Ортозіи) я не забылъ храма и залы, уцѣлѣвшихъ отъ временъ Крестоносцевъ.

Особенное вниманіе мое въ это путешествіе обращено было на изслѣдованіе разныхъ сектъ, разбросанныхъ у подножія Ливана и въ его внутренности, куда я проникъ изъ Бейрута. Эти секты: Ансари, Музевели, Друзы и др. Собирая свѣдѣнія объ нихъ, я старался по возможности очищать и повѣрять всѣ сказанія, между которыми очень много нелѣпостей. Таинственность, облекающая ученіе этихъ жалкихъ заблужденій, раждаетъ въ народѣ множество догадокъ, несообразностей и невѣроятій. Прозелиты ихъ, скрываясь отъ Мусульманъ, знакомы по большей части только другъ другу; вѣрованіе ихъ возбуждаетъ общее презрѣніе.

Въ Бейрутѣ, гдѣ я посвятилъ нѣсколько дней осмотрѣнію всѣхъ достопримѣчательностей, должно было отчасти измѣнить планъ моего путешествія по Сиріи и Палестинѣ. Кровопролитные ссоры, поддерживаемыя то Друзами и Маронитами, то Арабами въ окрестностяхъ Дамаска, побудили меня отправиться сначала на Ливанъ. Я хотѣлъ проникнуть

въ глубину этихъ горъ, чтобы посѣтить сначала нѣкоторыя развалины, разбросанныя въ ихъ нѣдрахъ. Такимъ образомъ я отправился чрезъ ущелье *Нехръ-Улькельбъ* (Собачья рѣка), гдѣ осмотрѣлъ барельефы съ клинообразною надписью, пострадавшею отъ времени, а оттуда чрезъ *Антуру*, кедры Ливанскіе, углубляясь въ горы, до Дамаска.

Замѣчательнѣйшими предметами, остановившими вниманіе мое на этомъ пути, были развалины, называемыя *Эльфокра*; сюда рѣдко заходятъ Европейскіе туристы. Остатки Эльфокры величественны. Павшія колонны, изящность отдѣлки пьедесталовъ и огромность размѣровъ и частей главнаго зданія даютъ свое значеніе этому памятнику древняго Зодчества. Я нашелъ здѣсь Греческую надпись на стѣнѣ зданія меньшаго размѣра, но сложеннаго изъ частей также значительной величины.

Храмъ въ Баальбекѣ, который стоитъ наравнѣ съ первостепенными памятниками древняго міра, заслуживаетъ особенное любопытство каждаго путешественника. Развалины храма Солнца по справедливости соперничаютъ съ развалинами Пальмиры.

Путешествіе въ глубину Ливана послужило мнѣ съ пользою къ исправленію нѣкоторыхъ географическихъ указаній. Я руководствовался картою Бергхауза, въ которой нашелъ нѣкоторыя неточности.

Дамаскъ представляетъ собою оригинальный Арабскій городъ, съ своими обычаями, нравами и жизнью. Онъ, подобно Каиру, полонъ достопримѣчательностей Мусульманскаго періода. Первые и древнѣйшіе памятники Арабскаго Зодчества, какъ указатели образованія отжившаго народа, были предметами моихъ занятій въ этомъ городѣ: въ нихъ видѣнъ образецъ чистаго Арабскаго стиля. Языкъ Дамаска допускаетъ нѣкоторые діалектическіе оттѣнки, но непосредственныя сношенія города съ Бедуинами ограждаетъ нарѣчіе Дамаскинцевъ отъ порчи, которой подвергается каждый языкъ, удаленный отъ чистаго своего источника. Посѣщая окрестности города, я снялъ куфическую надпись, высѣченную на скалѣ близъ мѣста, называемаго *Мугаретъ-уль-Шейхъ*

въ *Эльрубіи*. Послѣ нѣсколько-дневнаго пребыванія въ Дамаскѣ, я составилъ себѣ планъ путешествія по Палестинѣ: дорога до Іерусалима была весьма опасна по причинѣ непріязненныхъ отношеній между Арабами, что заставило меня быть осторожнымъ въ измѣненіи плана. Поэтому я отправился въ святой городъ чрезъ Тиверіаду, Назаретъ и Наплузу, обойдя уголъ пустыни Арабовъ.

Незначительныя развалины, встрѣчаемыя на этомъ пути, не заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ безмолвные остатки, безжалостно разрушенные временемъ; изъ нихъ болѣе замѣчательны лежащія близъ *Наплузы*, тамъ, гдѣ отыскиваютъ остатки *Себастіи* (нѣкоторые говорятъ однакожъ, что развалины этого города въ Синхурѣ). Въ Наплузѣ, древнемъ *Сихемѣ*, я особенно старался сблизиться съ семействами Самаритянъ. Ихъ ученіе — предметъ любопытства многихъ путешественниковъ, сохраняется ими въ большой таинственности. Самаритяне живутъ здѣсь въ большомъ презрѣніи. Занимаясь постоянно наблюденіями надъ Арабскимъ языкомъ Сиріи, я не оставлялъ также изслѣдованій надъ Библейскою Географіей этой страны, освященной стопами Искупителя міра. Каждый шагъ въ святомъ градѣ и его окрестностяхъ есть воспоминаніе, при которомъ благоговѣетъ Христіанинъ, — воспоминаніе, близкое сердцу каждаго.

Посвятивши нѣсколько дней пребыванію въ Іерусалимѣ и посѣщенію его окрестностей и Виѳлеема, я отправился въ Яффу. Оттуда, по причинѣ трудныхъ сообщеній моремъ съ Египтомъ, я долженъ былъ обойти Южный берегъ Сиріи до Бейрута. Я прошелъ черезъ Рамлу и Лудъ (древ. Diospolis) до Яффы и продолжалъ путь чрезъ Акку (С. Ж. д'Акръ) и Кайфу, гдѣ посѣтилъ развалины Атлита. Въ Сурѣ (древ. Тиръ) остановился на одинъ день, для осмотрѣнія древнихъ остатковъ города, между которыми трудно узнать остатки храмовъ Геркулеса, Сатурна, Аполлона и другіе. На берегу, засыпанномъ пескомъ отъ морскаго прибоя, лежатъ кое-гдѣ разбросанныя колонны разныхъ размѣровъ; онѣ принадлежатъ порѣ цвѣтущаго состоянія Тира. Изъ Саиды (древ. Сидонъ), гдѣ уцѣлѣли

укрѣпленія Крестоносцевъ, отправился я обратно въ Бейрутъ. Отсюда совершилъ моремъ путешествіе въ Египетъ.

Египетъ. — Вступая на берегъ Африки, въ Египетъ, путешественникъ-Филологъ невольно поражается Арабскимъ языкомъ Египтянъ. Александрія была первымъ городомъ, въ которомъ началъ я изученіе новаго діалекта Египетскаго. Кратковременное пребываніе мое здѣсь посвящено было и обозрѣнію окрестностей города, носящаго разнообразные слѣды своего существованія отъ древнѣйшихъ временъ до Мухаммеда-Али. Александрія, какъ шумный торговый городъ, гдѣ встрѣчаются три части свѣта, утрачиваетъ свой оригинальный типъ; она не представляетъ путешественнику-Оріенталисту столько памятниковъ Исламскаго быта, столько средствъ къ изученію языка и жизни Арабовъ, какъ Каиръ. Пребываніе мое въ Александріи сократилось съ тѣмъ вмѣстѣ и по причинѣ свирѣпствовавшей въ ту пору чумы. Хотя слѣды древней Александріи, царицы городовъ, какъ называетъ ее Діодоръ Сицилійскій, и стерлись до того, что трудно опредѣлить прежнее ея мѣстоположеніе, однакожъ кое-гдѣ и донынѣ она останавливаетъ любопытство путешественника своими древними остатками, каковы: колонна, несправедливо прозванная Помпеевою, обелискъ Клеопатры и другія.

Путешествіе въ Каиръ совершилъ я по Нилу. Не доѣзжая Каира, встрѣчаются развалины Саиса, памятнаго въ Исторіи Греціи и таинствахъ Египта. Остатки этого города разрушены временемъ: они не представляютъ ничего особенно-любопытнаго.

Въ Каирѣ, обширной столицѣ Мусульманскаго Востока, посвятилъ я пребываніе свое преимущественно изученію книжнаго и разговорнаго Арабскаго языка, съ которымъ я началъ знакомиться въ Александріи. Но съ тѣмъ вмѣстѣ любопытство мое обращено было и на богатство древнихъ памятниковъ Каира и его окрестностей.

Древнѣйшіе памятники Египта находятся близъ Каира; къ нимъ относятся пирамиды: *Хеопса*, *Шефрена* и *Мисерина* (4-й Династіи Егип.). Въ главѣ этихъ стоитъ одна, изумляющая своею громадностію — это пирамида *Хеопса*.

При первомъ взглядѣ на пирамиды, не имѣющія нигдѣ ничего себѣ подобнаго, невольно раждается мысль: для чего онѣ построены. Не повторяя разныхъ догадокъ, мнѣ кажется можно считать вѣроятнѣйшимъ предположеніе, что пирамиды служили гробницами для царствующихъ особъ. Пирамида Хеопса есть высочайшее зданіе въ мірѣ; внутри ея находится имя основателя ея (Шуфу): слѣдовательно она построена за 4000 лѣтъ до Р. Х.

Вторая пирамида менѣе первой; по Геродоту, она принадлежитъ *Шефрену;* хотя имени этого не находится въ ней, но саркофагъ, найденный вблизи, оправдываетъ сказаніе древняго Историка изображеніемъ Шефрена (Шафра).

Третья пирамида— менѣе двухъ первыхъ, и здѣсь подтверждается свидѣтельство Геродота, который приписываетъ ее *Мисерину.* Деревянный саркофагъ, находящійся въ ней, носитъ на себѣ это имя. Ленорманъ думаетъ, что гробницѣ Мисерина не менѣе сорока вѣковъ: слѣдовательно эта пирамида современна пирамидѣ Хеопсовой. Едва ли памятники эти могутъ относиться ко времени Пастырей.

Къ знакомству съ памятниками отдаленнѣйшей древности Египта относится и посѣщеніе мое окрестностей пирамидъ, которыя представляютъ собою кладбище: все подтверждаетъ мнѣніе, что пирамиды суть царскіе саркофаги.

Глядя на изображеніе Сфинкса, выражающаго своею идеею образъ Государя, любопытно было бы рѣшить вопросъ: представляетъ ли въ самомъ дѣлѣ колоссальное животное это портретъ Тутмоза IV. Дойти до этого убѣжденія едва ли легко. Я обозрѣлъ также древности Египетскія, находящіяся въ богатомъ Кабинетѣ *Клотъ-Бея, Аббота* и *Руссо.* Эти коллекціи представляютъ драгоцѣнное соединеніе предметовъ внѣшней жизни Египтянъ, по которымъ съ успѣхомъ можно изучать образованность этого народа, проявившаго Искусства свои во всемъ, окружавшемъ ихъ ежедневную жизнь. Изучая Мусульманскій періодъ Египта и слѣдя постепенно за художественною жизнію Востока, я обратился въ Каиръ и къ изслѣдованію всѣхъ памятниковъ Зодчества Арабовъ, послужившихъ мнѣ предметами многихъ наблюденій въ Персіи, Месопотаміи и

Дамаскѣ. Древность *стараго Каира* представила мнѣ для этого первые матеріалы. Отъ династій, господствовавшихъ въ Каирѣ до Турецкаго владычества, остались нѣкоторые архитектурные памятники; замѣчательнѣйшими изъ нихъ представляются: *мечеть Амру*— первое произведеніе Мусульманства (если не считать Дамасскую); она походитъ на Мекккую и носитъ на себѣ оригинальность Арабскаго генія, который такъ ярко отразился и на другихъ мечетяхъ. Это зданіе замѣчательно тѣмъ, что оно почти совершенно открыто, хотя не имѣетъ особенныхъ архитектурныхъ достоинствъ. Другой памятникъ, показывающій постепенное развитіе этого Искусства у Арабовъ, есть *мечеть Тулуна*. Она представляетъ собою слѣдъ высшей степени Художества, нежели первая. Мечеть эта построена два съ половиною вѣка спустя послѣ Омаровой; въ ней замѣтенъ вкусъ Византійскій въ соединеніи съ Арабскимъ. Гассанова мечеть заслуживаетъ особенное вниманіе. Она въ основаніи своемъ имѣетъ подобіе креста: не подаетъ ли это повода думать, что построеніе ея принадлежитъ Христіанскимъ Архитекторамъ? Не исчисляя другихъ памятниковъ стараго Зодчества, я упомяну еще о мечети Эльазхаръ, любопытной въ двухъ отношеніяхъ. Какъ архитектурный памятникъ, она заслуживаетъ вниманіе потому, что показываетъ новый шагъ Арабовъ въ Зодчествѣ; какъ Академія или разсадникъ образованія Мусульманскаго, она привлекаетъ къ себѣ обществомъ своихъ учащихъ и учащихся.

Знакомство со здѣшними Учеными и Шейхами, представляя пользу для изученія языка, доставило мнѣ наблюденія надъ состояніемъ Науки въ Египтѣ. Изъ принадлежащихъ къ этому сословію, я нашелъ здѣсь людей, оправдывающихъ свое званіе болѣе, чѣмъ въ остальной части Мусульманскаго міра. Литература Арабская хотя и не производитъ нынѣ большаго числа оригинальныхъ сочиненій, но въ замѣнъ того обогащается множествомъ книгъ, переводимыхъ и передѣлываемыхъ съ разныхъ языковъ. Какъ изученіе языка народа, живущаго своею внѣшнею жизнію, столь различною отъ нашей, соединяется съ постояннымъ изученіемъ его правовъ, обычаевъ, образованія и т. д., то для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли я старался сближаться съ Арабами въ ихъ

кочевомъ и осѣдломъ быту. Каиръ, болѣе самаго Дамаска, сохраняетъ древніе свои обычаи и образъ жизни, которые находимъ мы въ сказкахъ тысячи и одной ночи (я не забываю преобразованія Египта, которому подвергается по большей части только новое поколѣніе). Мѣсяцъ Мухарремъ представляетъ много любопытнаго для такихъ наблюденій, и потому, въ продолженіе Мусульманскаго поста, я принималъ участіе во всѣхъ сборищахъ Арабовъ, слушалъ ихъ разскащиковъ и чтецовъ, видѣлъ жестокіе обряды *Заккировъ*, которые едва не доходятъ до степени изступленія секты *Айсуа*, забавляющейся ядовитыми животными, при исполненіи своихъ религіозныхъ обрядовъ.

Въ Каирѣ заключились занятія мои народнымъ Арабскимъ языкомъ, съ нарѣчіями котораго я ознакомился въ Мессопотаміи, Сиріи и Палестинѣ — почему и представляю себѣ дѣленія этихъ діалектовъ въ слѣдующей системѣ ;

Первое мѣсто долженъ занимать языкъ Бедуиновъ (преимущественно собств. Аравіи); за нимъ слѣдуютъ діалекты: Мессопотаміи, Сиріи и Палестины; Египта и Магреба; послѣдній представляетъ свою особую вѣтвь.

Пребываніе мое въ Каирѣ послужило мнѣ съ особенною пользою въ изученіи умственной, религіозной и гражданской стороны Арабовъ. Отсюда совершилъ я путешествіе въ Дельту, гдѣ провелъ съ недѣлю въ *Тантѣ*, по случаю тамошняго празднества, представлявшаго чрезвычайное стеченіе Мусульманъ всѣхъ племенъ. Я не могъ воспользоваться мѣсяцемъ, даннымъ мнѣ на посѣщеніе Верхняго Египта, по недостатку времени, а употребилъ его съ пользою въ Константинополѣ. Египтомъ оканчивается путешествіе по Арабскимъ провинціямъ. Слѣдующій за тѣмъ періодъ, заключающій самое малое географическое пространство, посвященъ окончательному изученію языка Турецкой вѣтви въ Малой Азіи и преимущественно въ Константинополѣ.

Грецію. — На переѣздъ изъ Александріи въ Смирну употребилъ я слишкомъ полтора мѣсяца. Плаваніе наше по Средиземному морю отъ береговъ Египта до Архипелага было весьма несчастливо. Оно продолжалось до двадцати

дней (вмѣсто четырехъ). Русскій военный бригъ, на которомъ я находился, былъ принужденъ, послѣ труднаго перехода своего, начать 16-дневный карантинъ на о. Спеціи и продолжать его не на о. Сирѣ, а въ Пиреяхъ (лежащ. въ 10 ч. пароходнаго сообщенія): это доставило мнѣ случай посѣтить Аѳины (въ двухъ часахъ отъ Пирея), которымъ я удѣлилъ нѣсколько дней, до перваго отплытія парохода въ Смирну.

Малая Азія и Константинополь (отъ Ноября 1844 до половины Іюня 1845 г.). — Пребываніе мое въ Смирнѣ, гдѣ ознакомился я съ нарѣчіемъ Мало-Азіійскимъ (Анатоли), было непродолжительно (двѣ недѣли). Часть этого времени употребилъ я на посѣщеніе *Магнезіи* и окрестностей *Пергамо*, оттуда отправился въ Константинополь.

Въ столицѣ Османской Имперіи предался я изученію чистѣйшаго и образованнѣйшаго изъ всѣхъ Тюркскихъ языковъ — нарѣчія Стамбульскаго; все время моего пребыванія здѣсь было употреблено на этотъ предметъ, какъ на главнѣйшій. Рядомъ съ изученіемъ книжнаго и разговорнаго языка Турецкаго, шли занятія Арабскимъ и Персидскимъ (*). Посѣщеніе библіотекъ и учебныхъ заведеній Турокъ занимало меня также постоянно. Здѣсь, какъ и въ Каирѣ, связывая усвоеніе языка съ наблюденіями надъ нравами и обычаями народа, я старался проникать не только въ общество Мусульманъ, образующихъ ученое сословіе, но всюду, гдѣ представлялись любопытству предметы, касающіеся умственной и религіозной жизни Мусульманъ. Я видѣлъ различныя празднества Турокъ, обряды Дервишей Мевлеви (кружащихся), осмотрѣлъ болѣе замѣчательныя мечети и всѣ памятники Византійскіе и Оттоманскіе; изъ нихъ нѣкоторые недоступны путешественникамъ. Не смотря на это, они вошли также въ число любопытнѣйшихъ предметовъ, осмотрѣнныхъ мною на Востокѣ; здѣсь я имѣлъ счастіе быть представленнымъ Его Императорскому Высочеству

(*) Въ отчетахъ моихъ изъ Константинополя, представленныхъ Начальству Казанскаго Университета, занятія мои изложены въ подробности.

Великому Князю Константину Николаевичу, и сопровождать Августѣйшаго путешественника при посѣщеніи Имъ достопримѣчательностей Стамбула. Въ Константинополѣ оканчивается трехгодичное путешествіе мое по Востоку; но мои наблюденія продолжались еще въ Крыму надъ тамошнимъ нарѣчіемъ. Оставивши столицу Турціи (въ Іюнѣ 1845 года), я прибылъ моремъ въ Одессу, гдѣ выдержалъ положенный карантинъ и оттуда отправился на короткое время въ Крымъ. Здѣсь были заключены занятія мои Мусульманскими народами.

Діалекты Тюркскаго племени, изслѣдованные мною во время путешествія, принадлежатъ къ отрасли Турецкой въ слѣдующемъ порядкѣ: нарѣчія Дагестана и Ширвана (изученныя мною на Кавказѣ и въ Закавказьѣ), Адербиджанское, Крымское, Мало-Азійское и Стамбульское.

Филологическія изслѣдованія, на которыя указалъ я въ каждомъ отдѣлѣ моего обзора, обнявшаго три разныя вѣтви языковъ и отдѣльныя географическія пространства, составляютъ предметъ особеннаго сочиненія, надъ которымъ я тружусь постоянно.

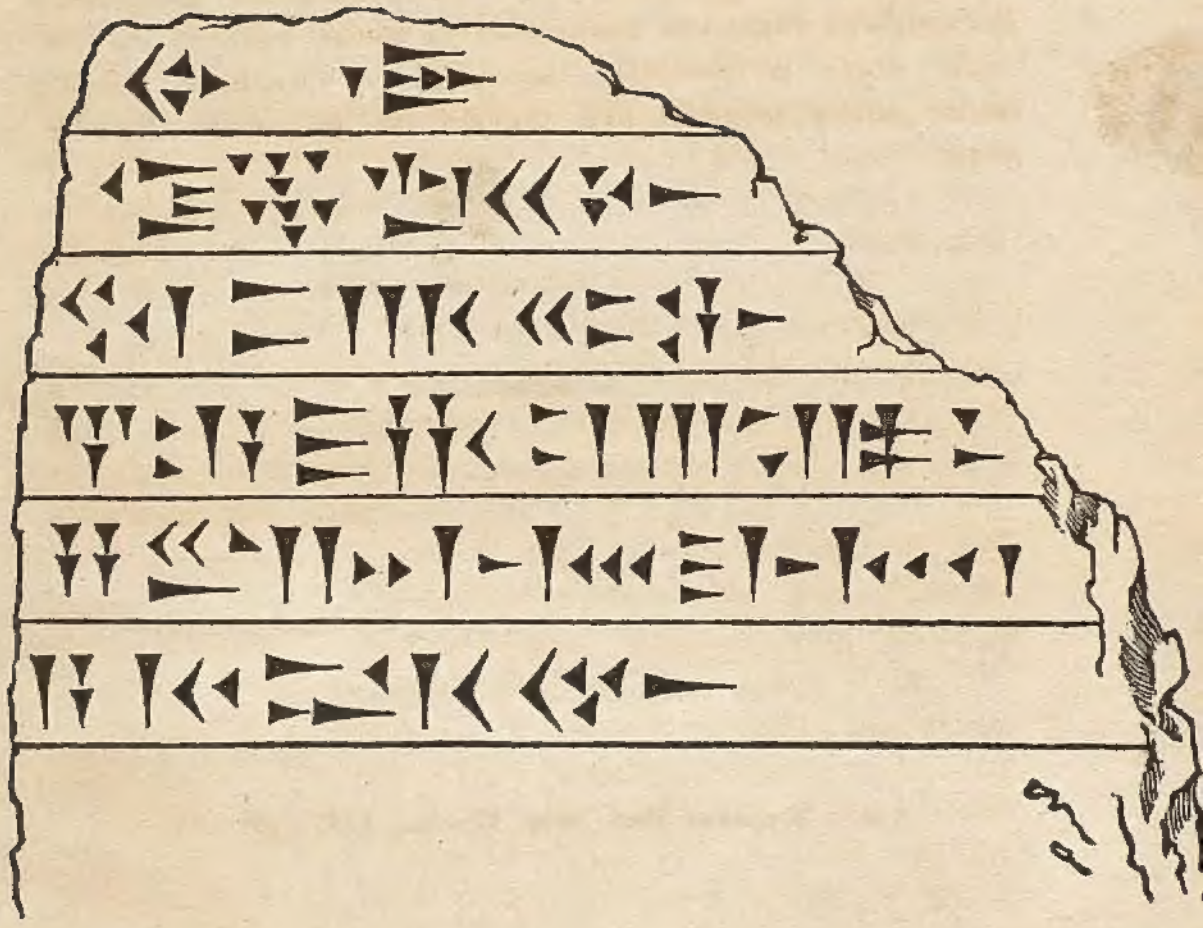
Въ кругъ дѣятельности моей на Востокѣ входило также пріобрѣтеніе Восточныхъ манускриптовъ, монетъ и разныхъ древностей для Казанскаго Университета, которыя представлены по принадлежности въ свое время.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ мною между различными народами Мусульманскаго Востока, велъ я постоянно путевой журналъ. Среди филологическихъ занятій, я удѣлялъ время на посѣщеніе древнихъ и новыхъ памятниковъ Зодчества, на снятіе рукописей, клинообразныхъ, Пеглевійскихъ, Греческихъ, куфическихъ и Арабскихъ надписей (о которыхъ упоминалъ я выше, описывая пребываніе мое отдѣльно въ каждомъ городѣ); снятіе замѣчательныхъ видовъ и плановъ, географическая повѣрка мѣстностей по собственнымъ наблюденіямъ и указаніямъ Восточныхъ и древнихъ Писателей, изслѣдованіе разныхъ сектъ Востока, библіографическія занятія Восточными рукописями,—всѣ эти предметы не были забыты мною при мѣстныхъ моихъ трудахъ: онѣ останавливали меня по мѣрѣ своего интереса и

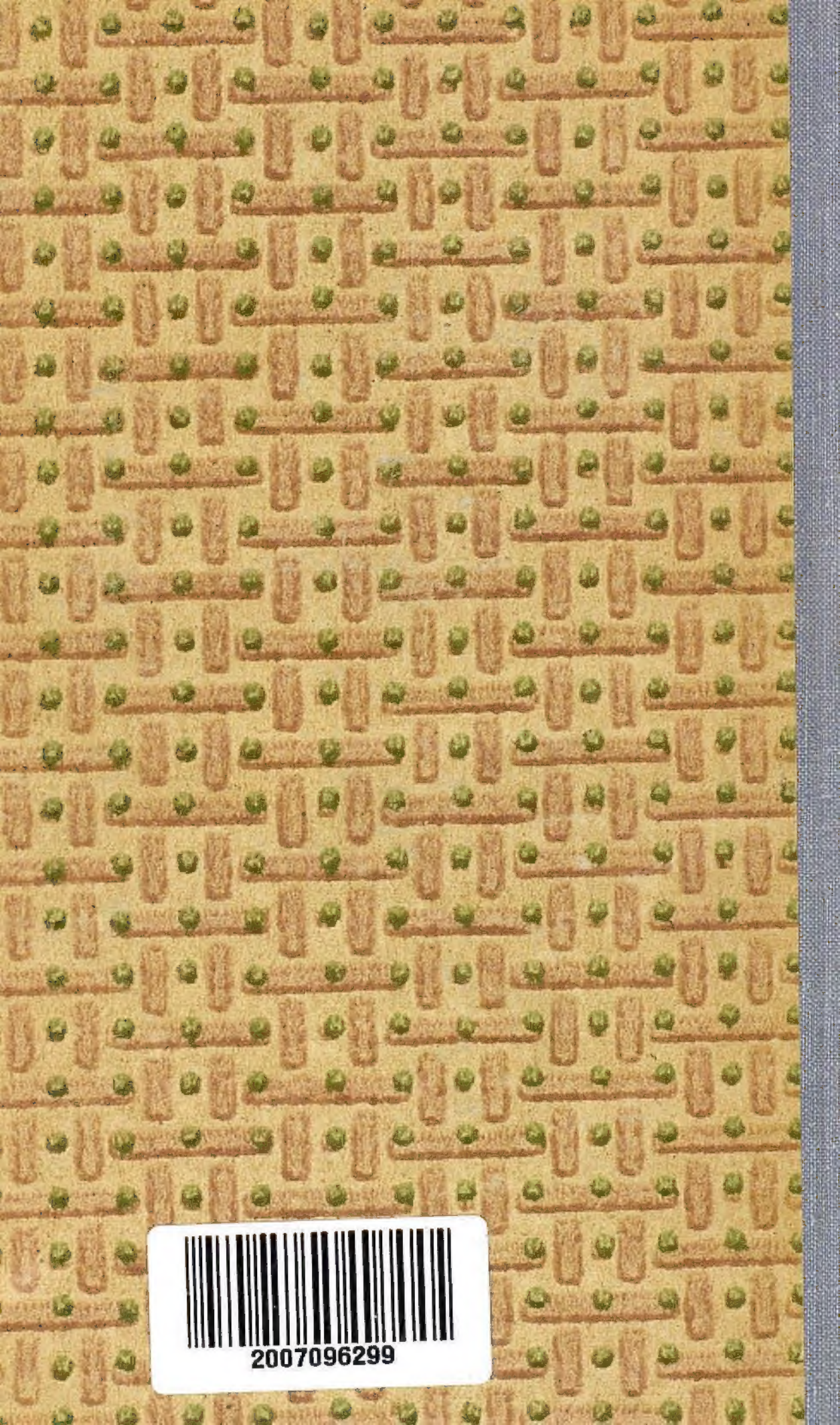
ожидаемой пользы. На столь обширномъ и разнообразномъ поприщѣ моихъ путешествій, мнѣ представлялось множество вопросовъ, касающихся жизни, образованности, религіи, языковъ и древностей Азіи и Африки. Не смѣю сказать, что я разрѣшилъ ихъ всѣ путемъ собственныхъ наблюденій и повѣрокъ, но убѣжденъ, что нѣкоторыя данныя могутъ служить матеріалами для новыхъ трудовъ. Ежедневныя наблюденія, географическія и этнографическія свѣдѣнія о Восточныхъ странахъ, пройденныхъ мною, войдутъ въ описаніе моего путешествія, которому я посвящаю донынѣ часть моихъ досуговъ отъ занятій по должности Профессора (*).

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1847, № 10).

(*) Сверхъ Турецкой каѳедры въ С. Петербургскомъ Университетѣ, Проф. Диттелю поручено чтеніе Арабскаго языка въ I и II-мъ курсахъ и преподаваніе Исторіи и Географіи Востока, которое принялъ онъ на себя по собственному желанію. *Пр. Ред.*



Клинообразная надпись, открытая Магистромъ Диттелемъ въ Нимрудѣ.


2007096299